

Лидия Чарская

Сфинкс

Лидия Алексеевна Чарская
Сфинкс
Серия «Гимназистки», книга 6

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=636185

Лидия Чарская. Повести и рассказы:

Аннотация

Девочку с удлинёнными зеленовато-серыми глазами и худеньким бледно-смуглым лицом прозвали Сфинксом. Она казалась какой-то особенной. И одевалась лучше остальных девочек, несмотря на то, что на ней было то же традиционное форменное, с черным передником, коричневое платье, и обута изящнее своих одноклассниц, и причёска ее отличалась какою-то особенною красивой законченностью...

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

9

Лидия Алексеевна Чарская

Сфинкс

Девочку с удлинёнными зеленовато-серыми глазами и худеньким бледно-смуглым лицом прозвали Сфинксом. Она казалась какой-то особенной. И одевалась лучше остальных девочек, несмотря на то, что на ней было то же традиционное форменное, с черным передником, коричневое платье, и обута изящнее своих одноклассниц, и причёска ее отличалась какою-то особенною красивой законченностью.

В то время, как гимназистки ее и других классов шлепали по лужам или утрамбовывали снег на тротуарах, спеша по утрам в гимназию, смуглая зеленоглазая девочка подъезжала к гимназическому подъезду всегда в шикарной пролетке – весной и осенью или в чудесных маленьких санках зимой, запряженных парой породистых лошадей. И всегда ей сопутствовала худая, рыжая, высокая англичанка, говорящая с девочкой на своем непонятном для непривычного уха языке. В классе недолюбливают обыкновенно важных, богатых гимназисток, приезжающих на уроки в своих экипажах. Но Сфинкса даже и не могли не любить. Смуглая девочка держала себя настолько корректно и изысканно с подругами, что к ней и придраться было нельзя. Она готова была оказать массу мелких услуг, которые так ценятся подростками. Сфинкс выручала не раз ближайших своих соседок по пар-

те, подсказывая им ответы на уроках. Помогала писать подругам внеклассные домашние сочинения по иностранным языкам, которыми, кстати сказать, Сфинкс владела в совершенстве, поправляла арифметические задачи. И все это делалось ею без всякого усилия, свободно, просто, мило и легко. Училась она лучше всех в классе, хотя Нину Махровую отдали в гимназию только на последние три года, прямо в пятый класс. Но не замечательная память, не удивительная способность к языкам, не успехи по учению, ни невольное уважение подруг привлекали всеобщее внимание к Нине, а нечто совсем иное.

Нина была Сфинкс! Нина была загадка! Никто не знал частной, домашней жизни этой пятнадцатилетней девочки. Не знали, есть ли у нее родные – мать, отец, братья, сестры; не знали, как она проводит время вне классных занятий, как течет ее жизнь дома, какова ее семья. Она держала себя в стороне от подруг, в рекреации читала толстые английские книжки, в которых никто из девочек не смог бы прочесть ни строки, и никогда не вступала ни с кем в длинные откровенные разговоры.

Словом, Нина Махровая была Сфинкс.

* * *

Учитель немецкого языка предупредил заранее еще на прошлом уроке, что классная задача будет не из легких, но

что «взрослому» пятому классу нечего бояться трудной темы, так как каждая из девиц, наверное, знает как Отче наш Шиллера и его влияние на современников.

Нечего и говорить, что «каждая из девиц» задала изрядного труса! Многие о Шиллере успели уже позабыть, так как его учили в начале года, а теперь уже, слава Богу, подползала весна! Другие же, добросовестно изучив биографию немецкого гения, совсем упустили из вида любопытствовать о его влиянии на современников. И немудрено поэтому, что для многих из класса нетрудная, по мнению преподавателя, задача являлась какой-то китайской грамотой или чем-либо в этом роде.

Наступил злополучный день. К немецкому уроку многие не явились. Никогда за весь год не насчитывалось столько заболевших в пятом классе, как в это злополучное утро. У тех же, которые предпочли явиться в класс, были далеко не спокойные лица, а глаза тревожно поблескивали от одного ожидания рокового часа.

Одна Нина Махровая оставалась, по-видимому, спокойной. Ее удлинённые, как у египтянки, глаза излучали обычный тихий свет, на матово-смуглом лице не было ни тени румянца, первого признака волнения, того самого румянца, который с таким успехом украшал разгоряченные лица ее подруг.

– Счастливица! – с плохо скрытой завистью шептали последние, – вот-то счастливица! Что ей письменная работа!

Один пустой звук! Подготовлена она прекрасно, языки знает на славу... Богачка! Известное дело, родители могли дать какое угодно воспитание! Миллионеры! Англичанка одна чего стоит! Чего же ей беспокоиться тоже! Заранее обеспечена пятеркой! Нечего и говорить.

А Сфинкс, и не подозревавшая всех этих мыслей, рожденных ее скромной, молчаливой особой, спокойно сидела на своем месте с раскрытой тетрадкой на пюпитре и готовой к работе ручкой пера.

С первым дребезжащим звуком колокольчика в класс вошел учитель.

– Nun wie gast es?¹ – шутливо осведомился он у класса.

Девочки дружно промолчали в ответ. Уныние уже успело свить себе прочное гнездышко в этих молоденьких душах и теперь лишало их возможности встряхнуться и хоть чуточку ожить.

Немец добродушно пошутил снова над «молодыми девицами, раньше времени повесившими носики», и, внезапно сделавшись серьезным, громко прочел заданную тему.

Теперь оставалось только писать. Те, которые настрочили с помощью старших сестер свои сочинения дома, чуть-чуть приободрились. Вытащив со всевозможною осторожностью из карманов готовые черновики, они усердно занялись перепиской того, что было заранее уже сфабриковано ими вне класса чьей бы то ни было благодетельною рукою. Но не у

---

¹ Ну как дела?

каждой из девочек имелись дома добрые души, охотно согласившиеся пойти им на выручку. Большая часть класса должна была, как говорится, работать начистоту, за «свой паек».

И вот, скрепя сердце, девочки принялись за работу.

Рядом со Сфинксом сидела Саша Роговцева, неспособная, тяжеловесная и совсем, к тому же, нерадивая ученица. Особенно языки, но преимущественно немецкий, не давались Саше, и она вела с ними непримиримую, ожесточенную борьбу. Впрочем, борьба эта выражалась довольно странно: Саша предпочитала совсем не учить немецких уроков, за это на нее, как манна небесная, сыпались единицы... Саша плакала и опять не учила. И опять единицы валились на нее с головокружительной быстротой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.